

КУЛЬТУРА СОУЧАСТИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

И. Ю. Тихонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 сентября 2024 г.

Аннотация: проводится социально-философский анализ культуры соучастия, популяризированной в XXI в. Помимо положительных моментов, связанных с вовлечением субъектов в производство социальных смыслов, со сменой человеком статуса пассивного потребителя на производителя товаров и информационного контента, с расширением ответственности в социальных проектах, автор отмечает и негативные следствия культуры соучастия. Выделяются непостоянство социальных связей и кратковременности социального опыта, снижение компетентности автора и формирование новой этики, основанной на визуальном восприятии реальности, некритичном принятии норм цифрового общения, отсутствии прочной опоры и ориентаций для деятельности.

Ключевые слова: конвергенция, культура соучастия, культура отмены, медиaprостранство, информационное общество.

Abstract: it provides a socio-philosophical analysis of the culture of complicity popularized in the 21st century. In addition to the positive aspects associated with the involvement of subjects in the production of social meanings, with the change of a person's status as a passive consumer to a producer of goods and information content, with the expansion of responsibility in social projects, the author also notes the negative consequences of a culture of complicity. This highlights the impermanence of social connections and the short duration of social experience, the decline in the author's competence and the formation of a new ethic based on visual perception of reality, uncritical acceptance of the norms of digital communication, the lack of a solid foundation and orientations for activity.

Key words: convergence, culture of complicity, culture of cancellation, media space, information society.

Обращение к культуре соучастия в социально-философских и культурологических исследованиях сегодня популярно. Глобализация и индивидуализация способствуют уменьшению определяющей роли социальных институтов в жизни человека и стимулируют последнего к прямому участию в социальных процессах. Помимо этого, расширение информационного пространства позволяет личности непосредственно включаться в процессы взаимодействия, что способствует свободному распространению контента в медиaprостранстве и неограниченной активности субъекта в создании информационного продукта.

Действительно, современные процессы перемещения всех социальных, экономических и политических практик в информационное пространство задают открытость любому проекту со стороны его возможных участников. Таким образом, сообщества, сформированные на разных основаниях, становятся сегодня субъектами многих социально-экономических, культурных и политических процессов, предполагающих привлечение людей к коллективному решению проблем, распространению товаров через целевую аудиторию в виртуальном пространстве.

Таким образом, если в реальном социальном пространстве феномен соучастия популяризируется за счет ослабления роли прежних систем легитимации индивидуального и коллективного опыта, то в информационном пространстве это прямое включение индивидов в коллективные процессы еще более распространяется из-за проницаемости информационных барьеров и вездесущего характера коммуникации, осуществляемой в современном обществе.

Известный теоретик культуры соучастия Г. Дженкинс описывает конвергенцию, осуществляемую в современном мире, не столько как технологический процесс, сколько как увеличение интенсивности участия потребителя в производстве информационного продукта [1, с. 49]. Действительно, аудитория медиaprостранства расширяется и становится активным участником процессов производства и распространения товаров и услуг. Все это тесным образом связано с самой природой глобального информационного общества, обеспечивающего более интенсивное взаимодействие личностей поверх государственных границ, видоизменяющих прежние формы социальной стратификации.

С подачи Дженкинса, мы можем говорить о своеобразном «культурном сдвиге, предполагающем

активное вовлечение потребителей в поиск новой информации и установление новых взаимосвязей между разрозненным медиаконтентом» [1, с. 29]. В контексте этого сдвига он осмысливает многие социальные процессы. Например, возникновение нового типа культуры, в которой производятся в большей степени те продукты, которые интересуют потребителей, заинтересованных и включающихся в производство.

Как Дженкинс, так и другие исследователи много говорят о следствии конвергенции – появлении разных форм соучастия в социальных процессах индивидуальных и коллективных субъектов. Но конвергенция не просто предполагает новый тип взаимодействия индивидов на основе медиаплатформ, где между производителями и потребителями устанавливается взаимосвязь и взаимозависимость. Появляются новые формы социальной интеграции, новая этика и новые способы идентификации субъектов внутри информационного пространства.

В условиях плюрализма, идентификация осуществляется через освобождение от универсальных образцов и утверждение возможности различия (воукизм). Идеология воукизма распространяется во многом благодаря инклюзии прежде исключенных из социального порядка субъектов, получивших возможность объединяться со своими единомышленниками и отстаивать свои права. Данная идеология подпитывается идеей социального признания, которого, наконец, могут добиться люди через привлечение внимания в информационном пространстве.

Возможность утверждать собственную культурную рамку реализуется и через СМИ, в которых событие через зрелищность и многократное повторение обретает свой бытийный статус.

Культура соучастия предполагает для человека возможность провозглашения себя субъектом в определенном контексте и границах, способность заявлять о своих интересах и своей истории и определять свой горизонт мировосприятия. Но самое важное то, что через культуру соучастия происходит актуализация личности человека в публичной сфере.

Если прежде членство в социальных обществах и реализация ценностных и нормативных установок устанавливали границы социальной солидарности, то теперь культура соучастия становится сферой реализации коллективных действий, способствующих достижению общности с Другими. Упрощенный доступ к информации позволяет формировать сообщество спонтанно, исходя из своих запросов в данный момент времени. Таким образом, расширяются возможности для формирования коллективного опыта, что в условиях индивидуализма позитивно.

Для исследователей рубежа XX–XXI столетий характерно сопоставление социальных систем с жест-

кой легитимацией и современных пространств существования, для которых свойственен кризис легитимаций и раздробленность того символического универсума, в котором мы существуем. Действительно, сообщества прежде формировались на продолжительное время, предполагали устойчивость статуса участника и соответствующий образ жизни, тип мышления и потребления. В информационном обществе деятельность имеет разные основания, а солидарность формируется на основе новых форм культуры, ориентированной на взаимосвязь индивидуалистического образа жизни и практик соучастия. Запрос на тот или иной вид деятельности может возникнуть спонтанно, также спонтанно может быть сформирован коллективный опыт на основе запроса и никаких общих черт между участниками может не быть. Возьмем, например, флешмоб, который не предполагает ничего общего у участников движения, кроме общей инициативы в реализации определенной деятельности.

Казалось бы, мы впадаем в противоречие. Индивидуализм не ищет выхода вовне. Тогда откуда исходит потребность в коллективном действии. Оказывается, что все не так просто. Именно индивидуализм и демократизация открывают доступ к возможности человека принимать решения и воздействовать на различные сферы общественной жизни. Происходит распределение ответственности в процессе свободного доступа и дискуссионного решения проблем. Если прежде власть рассматривала граждан в большей степени как реципиентов – безвольных участников и потребителей социальных благ и политических решений. То сегодня народ реализует себя через соучастие, в котором сам себя воспринимает как способного формулировать идеи, ставить цели и их достигать. Через практику соучастия люди воспринимают себя как творцов тех решений, которые реализуются в социуме. За счет такого сотворчества повышается эффективность принятия и реализации проектов, поскольку индивид из статуса потребителя переходит в новый статус, совмещающий потребление социальных и культурных смыслов и их производство. Элитарность автора, таким образом, не становится определяющей, поскольку каждый может включить свой опыт, свой смысл в производство общего продукта. «Молодые люди, которым раньше не светило ничего, кроме скучной работы в офисе, теперь становились рок-звездами, авторами перформансов и режиссерами видеоклипов. Поверить в уникальность любого парня с гитарой и необычной прической уже было невозможно. Современный художник стал парадигмой процесса раскрытия в себе творческих способностей для всех жителей планеты», – пишет Дж. Сибрук [2, с. 82].

Таким образом, существование человека в новом пространстве помещается в более широкий социо-

культурный контекст, где установление отношений с Другим и формирование доверия к членам общества реализуется через соучастие. Единственным негативным, на наш взгляд, аспектом такого демократичного производства контента становится снижение компетентности. Каждый, не зависимо от своих знаний и способностей, считает возможным высказать свое слово или внести свой вклад в творческий процесс.

Кроме того, обратной стороной этого процесса конвергенции является усиление индивидуализма. Такое следствие напрямую становится возможным ввиду того, что транскомуникации, пронизывающие современное культурное пространство, лишены единого культурного кода. Если прежде социальные институты создавали долговременные границы для социальной идентификации, а следовательно, восприятие себя и Другого внутри социального пространства подчинялось строгим, оправданным традицией критериям, то теперь включение в такое пространство понимания осуществляется на добровольной основе, временно, функционально и в большей степени эмоционально. Вплетение собственного нарратива в коллективный контекст временно и основано на согласии, а не на социальном предписании. Рефлексивность в данном случае становится основой для свободного выбора той практики, в которую включается субъект. Таким образом, культура соучастия создает новый вид взаимоотношений в повседневности, когда быстрый доступ к любой модели существования на основе свободного выбора за счет обратной связи создает эффект соучастия и сотворчества. На этом основании можно утверждать, что коммуникация становится не просто взаимодействием или интеракцией, но культурной практикой, в рамках которой мы формируем свой личный нарратив из предпочтительных фрагментов информации и в ответ на соответствующий контексту существования личности запрос.

Новая этика культуры соучастия строится на речевом поведении, сопровождающем визуальные образы, в связи с этим большое значение приобретают новые формы контроля, ограничивающие и маркирующие позицию субъекта (толерантность, отсутствие речевой агрессии и дискриминации, пейоративность сообщений, упорядочивание мира через язык). За счет высокой канализации данных и обособления групп в своих сообществах искусственно создаются миры с соответствующим этой группе горизонтом восприятия. Соучастие предполагает постоянную готовность включиться в любую доступную деятельность. «Всегда готов! В Америке это превратилось уже в этическое требование: нужно всегда быть доступным», – пишет Н. Болц [3, с. 20]. Интеграция происходит мгновенно за счет включенности в информационное пространство, следовательно, группы формируются на

основе общего видения проблем и перспектив. «Визуальные нормы, детерминированные технологиями информационно-манипулятивного воздействия, влияют на реальное поведение большого количества людей, находящихся в них свою самореализацию. Они создают специфическую этику визуальности, которая проще, агрессивнее, конкретнее, чем этика традиционных отношений», – пишет Фортунатов [4, с. 45]. Последнее не способствует высокому уровню сплоченности, ведь ничем не обеспеченные стандарты поведения не позволяют на глубоком уровне достичь социальной идентификации.

Несмотря на то что, как уже было отмечено, конвергенция возможна как в онлайн, так и в офлайн взаимодействиях, значимым эффектом культуры соучастия является именно возможность быстрого реагирования на информационные процессы. Отсутствие жестких барьеров для вхождения в тот или иной коммуникативный процесс, постоянное пребывание на границе между реальным социальным пространством и виртуальными общностями переносят повседневность в медиапространство. Существование в нем публично, в режиме постоянного доступа и участия в информационных процессах. Этот перенос чреват несколькими серьезными для личности последствиями

Формирование субъективного представления о Другом и о социальных процессах без возможности его адекватной проверки на практике социального пространства. Последствия деятельности не только не осознаются в полном объеме, но и происходит нивелирование границ виртуального опыта, его объективного влияния на реальные процессы. Включаясь в различные проекты, люди поверхностно воспринимают социальную реальность и свою роль в ней. Человек ощущает себя творцом,демиургом, на деле же он один из многих сопровождающих данный вид деятельности. Кроме того, происходит симуляция социальных интересов через сужение границ сообщества предпочтительными интересами. В этой связи формируется гомогенное культурное пространство, где активность субъекта строго ограничена предпочтениями группы. Сплоченное общество формируется также через стигматизацию, негативное противопоставление своей группы другим и канселинг. Последний проявляется через блокирование всех недовольных и молчание по отношению к ним.

Канселинг или дословно культура отмены является обратной стороной культуры соучастия и представляет собой движение против индивидов, нарушающих нормы, признанные в обществе или в сообществе. Конечно, мы можем говорить о канселинге географическом, который связан (как показывает практика сегодняшнего дня с реальным отказом от взаимодействия с определенными странами путем

ограничения их санкциями). Однако важным для нас является именно лингвистический аспект культуры отмены, которая представляет собой вычеркивание из публичного дискурса человека или группы с целью изменения поведения. Культура отмены является примером того, как человек, будучи социальным существом, стремится к признанию со стороны значимого сообщества и к его ограничению.

В контексте культуры соучастия формируются образцы мира на основе общих предпочтений и стандартов поведения, избавляющих человека от чувства неопределенности и изменчивости в неустойчивом мире. Если в прежних типах общества группы формировались через идентификацию с семьей (гарантирующей заботу и доверие), локальными сообществами (осуществляющими предписание и контроль как публичного поведения, так и приватного в целях формирования безопасной повседневности) и традиционными предписаниями (связывающими через ритуал, культ прошлое и будущее), то сегодня все более ощутимым становится создание устойчивых моделей своего Я. Эти модели напрямую связаны с теми образами, которые конструируются в информационном пространстве и нормализуются значимыми Другими, которые знают, что правильно, а потому могут стигматизировать и «отменять» несоответствующее этим стандартам поведение.

Соучастие, таким образом, становится не только практикой включения в социальные и культурные процессы, но и способом легитимизации допустимого в обществе коллективного опыта.

Укажем на стратегии, которые позволяют включиться в жизненное пространство современного общества. Это, прежде всего, тематизация основных проблем, актуальных для данного сообщества. Разделяя приемлемые для своей группы темы и поддерживая конфликт с неприемлемыми позициями и взглядами, личность формирует свой социальный портрет. Более того, увеличение времени существования в информационном пространстве подкрепляет этот приоритет легитимных в виртуальном пространстве тем.

Человек, будучи социальным существом, апеллируя к признаваемым со стороны общества потребностям и ценностям, стремится не только к социально-

му признанию, но и к ограничению своего поведения стратегиями включения/исключения.

Если в реальной социальной жизни тематические рамки не являются основополагающими, то в информационном пространстве они формируют границы виртуальной социальности за счет установления приемлемости, отрицания девиантного для данного сообщества поведения, и как следствие – исключения из дискурса неадекватного поведения. Важно помнить в данном случае о том, что ориентация на представление жизни в социальных сетях способствует преувеличенной роли текстов о себе и своей практике, заменяющих практику реальную. Представленность в сетях через нарратив позволяет выделить в культуре соучастия важную характеристику – заинтересованность субъекта во внимании со стороны. Именно внимание Другого становится фактором идентификации события как имевшего место и фактором реальности как таковой.

Внимание становится важнейшим ресурсом, за который люди борются в информационном пространстве. Эта борьба может сопровождаться формированием климата мнений и раскручиванием спирали молчания [5, с. 42], которая в ситуации страха перед социальной изоляцией толкает человека к молчаливому принятию популярной точки зрения и умалчиванию о своей позиции в случае ее противоречия мнению значимого Другого.

Культура соучастия предполагает, что человек получает доступ к производству смысла социальных действий и социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дженкинс Д. Д.* Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М. : РИПОЛ классик, 2019. 384 с.
2. *Сибрук Д. Nobro.* М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. 240 с.
3. *Больш Н.* Азбука медиа. М. : Европа, 2011. 136 с.
4. *Фортуатов А. Н.* О границах современного кибергуманизма // Вопросы журналистики. 2022. № 11. С. 42–53.
5. *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М. : Прогресс-Академия : Весь мир, 1996. 352 с.

*Воронежский государственный университет
Тихонова И. Ю., кандидат философских наук, доцент
кафедры онтологии и теории познания
E-mail: tikhonovaiu@yandex.ru*

*Voronezh State University
Tikhonova I. Yu., Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department
E-mail: tikhonovaiu@yandex.ru*